

A photograph of a building in winter, with snow on the roof and bare trees in the foreground. The building has a brown facade and a dark roof. The foreground is filled with snow-covered branches and trees. The sky is overcast and grey.

Борис Добродеев

Мы едем
в БОЛШЕВО

*Путешествие
в минувшее*

Борис Добродеев

**Мы едем
в БОЛШЕВО**

*Путешествие
в минувшее*

Москва
Художественная литература

УДК 882-94(791.43)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4 + 85.37
Д56

В оформлении использованы фотографии из личного архива автора, архивов Музея кино и ФГУП «Киноконцерн „Мосфильм“»

Оформление Светланы Виноградовой

Оригинал-макет подготовлен
редакционно-издательским центром АРИАДНА

Добродеев Б.Т.

Д56 Мы едем в Болшево. Путешествие в минувшее : сб. / Борис Добродеев. — М.: Художественная литература, 2013. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-280-03979-7

Автор — патриарх отечественного кинематографа — Борис Тихонович Добродеев в новой книге вспоминает о Доме творчества в Болшево, где в 60—70-х годах прекрасно проводили время ведущие кинематографисты. Героями повествования стали В. Пудовкин и И. Пырьев, Л. Утесов и А. Райкин, И. Прут и М. Донской, Г. Данелия и М. Швейцер, Н. Эрдман и М. Вольпин, М. Богин и С. Самсонов, И. Нусинов и С. Лунгин, Э. Тополь и П. Пашкевич, а также другие участники советского кинопроцесса. Однако Болшево не единственная тема воспоминаний автора. В силу профессии Б.Т. Добродееву посчастливилось повстречаться с выдающимися историческими личностями и деятелями искусств. Среди них А. Микоян, Э. Шеварднадзе, Б. Шаляпин, В. Чабукиани, М. Эсамбаев, В. Федорова, А. Галич, М. Растропович и многие другие.

УДК 882-94(791.43)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4 + 85.37

ISBN 978-5-280-03979-7

© Б.Т. Добродеев, текст, 2013 г.

Литературно-художественное издание

Редактор Е. Субботина; художник С. Виноградова;
корректоры Н. Смирнова, Т. Семочкина; верстка Е. Гореликовой;
переплет, обработка иллюстраций — Е. Мелентьева.

Подписано в печать 26.03.2013. Формат 60 x 90 / 16.
Тираж 2000 экз. Заказ № 758.

Наше знакомство, столь внезапное, неожиданное, могло никогда и не произойти, если бы не ряд предшествовавших ему счастливых случайностей. Когда в 2010 году в Москве в издательстве «Прозаик» вышла первая книга моих воспоминаний «Было — не было...», я подарил ее сценаристу и литератору Павлу Сиркесу. В 70-х годах он занимался в мастерской на Высших сценарных курсах, которой руководили мой друг кинодраматург Константин Славин и ваш покорный слуга.

Павел Сиркес со своей женой, известной нашей поэтессой Тamarой Жирмунской, уже давно живет в Мюнхене. И я понятия не имел, что, прочтя мою книгу, он опубликовал нечто вроде рецензии в одной из газет Германии, выходящей на немецком и русском языках. Это издание адресовано главным образом переселенцам из Советского Союза, «русским немцам», которых в Германии, говорят, около двух миллионов...

В своей рецензии Сиркес кратко упомянул историю моей семьи и моего дяди (брата матери) Эрнста Лампартера, талантливого инженера, одного из создателей первой в Грузии гидроэлектростанции «Загес», которая до сих пор снабжает электроэнергией Тбилиси. В 1937 году он был арестован и расстрелян.

Оказалось, что сразу после опубликования этих материалов с редакцией газеты связалась читательница из Кельна и сказала, что хорошо помнит Эрнста Лампартера, большого друга ее отца, который тоже был репрессирован, но остался жив. Павел немедленно сообщил мне об этом, и я был взволнован столь неожиданным «голосом из прошлого».

В ту весну и лето я находился на юге Германии, в Рейнской области, у друзей, работая над этой книгой. Узнав телефон

незнакомки, я тут же решил позвонить ей в Кельн. И пока набирал ее номер, подумал: сколько же ей лет, если она помнит такое далекое время?

Тут в трубке раздался достаточно бодрый женский голос, назвавший сразу (как принято в Германии) свою фамилию:

— Пфайффер!

Поздоровавшись и представившись, я спросил, как ее величать. Она тут же, по моему не лучшему немецкому и фамилии, поняла, что я из России, и сразу перешла на русский:

— Зовите меня просто Нора. Отчество называть здесь не принято...

Оказалось, что она действительно помнила очень многое... И такие детали, которые придумать невозможно. Как с родителями часто ходила в гости к моему дяде, жившему неподалеку от них, на Плехановском проспекте, напротив Михайловской больницы, как любила рассматривать у него на веранде коллекцию диковинных кактусов, а по вечерам слушать вальсы, которые играл духовой оркестр в летнем парке Закавказского военного округа (ЗАКВО), примыкавшем к дому дяди Эрнста.

Вспомнила Нора и как они семьями ходили по воскресным дням на богослужение в лютеранскую церковь, расположенную почти рядом, на пересечении Плехановского проспекта и Кирочной улицы... Она даже пришлет мне потом фотографию этой строгой готической церкви, которую разрушили уже после войны, руками немецких военнопленных... Такое вот садистское наказание.

Когда Нора сказала, что ее отец Густав Пфайффер в течение двадцати лет был директором немецкой школы в Тифлисе, я сразу вспомнил, как все родители стремились устроить своих детей в эту образцовую школу, в которой учился мой старый товарищ, известный кинодраматург Анатолий Гребнев, и даже Серго, сын самого Лаврентия Берия.

В наше первое знакомство я не стал утомлять ее больше расспросами, но на следующий день она сама позвонила, попросила прислать мою книгу, о которой узнала, прочтя статью Павла Сиркеса. И поинтересовалась, сколько мне лет...

— Ну по сравнению со мной вы еще молодец!.. А мне уже девяносто два... Но карабкаюсь дальше... Может, допозду и до столетия? — рассмеялась она. — У меня ведь серьезная за-калка. Двадцать лет за полярным кругом, на Таймыре. Оттуда даже олени сбегают на юг... — И она снова, уже невесело, рас-смеялась. Сказала: — Звоните мне, пожалуйста, и почаще...

И мы, что ни день, стали подолгу разговаривать по теле-фону. Нора не сразу поведала мне свою драматическую исто-рию. Сперва только отдельные фразы, эпизоды... И достаточ-но сдержанно, скупое. Лишь постепенно я стал узнавать, что она пережила на своем веку...

Все светлое, доброе, радостное в жизни Норы оборвалось, когда ей исполнилось шестнадцать лет. Арестовали отца, а вскоре и мать. В Германии пришел к власти Гитлер, и после этого все немцы, в течение нескольких веков жившие и чест-но трудившиеся в России, попали под подозрение. С каждым годом число арестованных немецких «шпионов» все росло и росло.

Отца Норы Густава Пфайффера, одного из самых уважае-мых людей в Тбилиси, несколько лет держали в Авлабарской тюрьме, бесконечно допрашивали, требовали признать, что он тоже тайный германский агент. И вдруг характер допросов странным образом изменился. Следователей стала интересо-вать знакомая Пфайффера, тоже немка. Она уже много лет жи-ла в семье Лаврентия Берия, исполняла обязанности домо-правительницы и воспитала его сына Серго, занималась с ним немецким языком, чтобы тот, уже учась в немецкой школе, еще лучше освоил его. Женщина эта стала близкой подружкой жены Берия, почти родным для семьи человеком.

Эти неожиданные вопросы следователей насторожили Гу-става Пфайффера. И ему каким-то невероятным образом уда-лось передать из тюрьмы дочери, что затевается что-то про-тив их знакомой немки, живущей в семье Берия. Он просил об этом немедленно ей сообщить.

Нора связалась с Серго, которого знала по школе, и тот, вероятно, тут же передал все отцу, занимавшему в те годы пост первого секретаря ЦК компартии Грузии, уже ставшему

всесильным хозяином республики. Допросы Пфайффера в тюрьме вдруг прекратились, а вместо обещанного расстрела его приговорили к десяти годам заключения в лагере. И быстро выслали из Тбилиси.

Нора была убеждена, что чекисты готовили западню самому Берия, но их хитроумный план почему-то сорвался. Не нужно обладать способностями Шерлока Холмса, чтобы, сопоставив исторические факты, догадаться, что могло произойти тогда.

Шел уже 1937 год. На Лубянке воцарился палач Сталина Николай Ежов. Но хозяин вскоре понял, что «мавр сделал свое дело» и его пора убрать. И решил на его место назначить своего выдвиженца Лаврентия Берия, которому поначалу очень доверял. Слухи об этом из Кремля не могли не дойти до Лубянки. И видимо, Ежов решил опередить опасные для него события, попытаться скомпрометировать соперника в глазах вождя. Повод нашелся без труда. Чекистов уже давно раздражало, что в доме Лаврентия Павловича живет немка. И очевидно, созрел план: обвинить эту женщину в шпионаже, а Берия — в потере политической бдительности, поскольку немка могла выведать важные государственные секреты. И тогда песенка Берия была бы спета. Но Лаврентий чекистов успел опередить. Для этого достаточно было одного телефонного звонка Сталину.

В 1938 году Лаврентия Берия перевели в Москву, на первых порах — на должность заместителя Ежова (вот была для того «радость»). Вскоре Берия вселился в его кабинет, возглавив Наркомат внутренних дел СССР. Ежов покатился...

Все это я вспоминаю потому, что иногда в судьбы простых честных людей (в данном случае отца Норы) фатально вторгается большая политика со всеми ее гнусностями и грязью. И они становятся пешками в большой придворной игре.

А в жизни Норы произошли вскоре большие перемены. Она еще училась в Тбилисском педагогическом институте, когда пришла первая любовь... Она вышла замуж за молодого грузина Юрия, очень гордившегося тем, что был внуком католика Грузии Калистрата. Хотя религия в Советском Союзе

влачила жалкое существование, в Грузии к ней всегда относились более уважительно. Потом произошло другое радостное событие: Нора родила сына Резо. Она ласково звала мальчика Бубой.

И тут война. Муж ушел на фронт, Нора молилась, чтобы он остался жив. И новая беда. 19 октября 1941 года из Москвы пришел приказ: немцев, состоящих на оперативном учете как «антисоветский элемент», арестовать, остальных в течение 24 часов выселить из Закавказья и направить в Казахстан и Сибирь. Слово «депортация» постарались заменить «переселением».

Насильственному переселению подверглось все немецкое население Советского Союза — около миллиона человек. Их высылали в дальние восточные районы страны с Украины и Крыма, из Поволжья и Северного Кавказа — из всех российских городов. Для оправдания этого беззакония была придумана чудовищная фальшивка. В указе Президиума Верховного Совета СССР за подписью М.И. Калинина говорилось: «По достоверным сведениям, среди немецкого населения Поволжья имеются тысячи и десятки тысяч (!) диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». Выходит, что хотели взрывать свои села.

Но можно себе представить, как население страны, охваченное паническими настроениями из-за стремительного наступления германской армии, ненавидящее фашистов, отнеслось к этому правительственному сообщению о советских немцах — «предателях», которых, как змею, приютил у себя российский народ?

Нору оставили в Тбилиси только потому, что она была замужем за грузином, да еще фронтовиком. Но все ее братья и родственники через сутки были вывезены. При этом вышел приказ: все, кто попытается бежать, будут приговорены к двадцати годам заключения. Хотя фактически они и так попадали в условия ГУЛАГа. Всех мужчин отправили на «трудовой фронт» — они стали работать в шахтах, на рудниках на прокладке тоннелей и дорог, всегда под неусыпной охраной,

их заставили жить в бараках и получать еду по арестантским нормам. Женщин загнали в глухие деревни — на полевые работы, фермы, ухаживать за скотиной, пасти отары. Все немцы, веками сроднившиеся с Россией, были фактически объявлены врагами.

Нора осталась совсем одна, с незадолго до тех событий родившимся ребенком да с беспомощным дедом, не поднимавшимся с постели. Потому его и «пожалели», не сослали с другими. И все было проблемой — питание для ребенка, отсутствие тепла зимой... Да и денег, конечно...

В эти трудные 1941—1943 годы Нору морально поддерживали только грузинские друзья-студенты. Они были «вольнодумцами» и слишком откровенно высказывались по поводу действий советского правительства, приведших к ужасным последствиям в первые годы войны. Поздней осенью 1943 года пришло неожиданное известие: муж Норы жив, но тяжело ранен и находится в военном госпитале в Барнауле. Вот куда завезли его!.. Именно в те дни скончался ее больной дед. Похоронив его и договорившись с родственниками мужа, что они на время возьмут на себя заботы о ее малыше (сыну Бубе шел уже третий год), она решила немедленно ехать к мужу, поддержать его...

Но в вечер перед отъездом за ней пришли чекисты. Когда они уводили ее, проснулся Буба и, не понимая, что происходит, сонно спросил: «Мама, ты куда?» Что она могла ему ответить?.. И чтобы он не испугался, сказала первое, что пришло в голову: «Я за елочкой, сынок... Я скоро вернусь». Но увидит ее Буба уже юношей — только через четырнадцать лет!

И начался путь Норы на Голгофу. Изнурительные ночные допросы, одиночная грязная камера, карцеры, унижения, следователь Маркаров, который говорил ей: «Если докажешь, что ни в чем не виновна, получишь десять лет. А так...» Он угрожал расстрелом.

От нее требовали признания, что она сообщница «антисоветских заговорщиков» — группы знакомой ей грузинской молодежи, среди которых самым юным был Чабуа Амирэджиби, потомок великокняжеской фамилии, в будущем —

знаменитый грузинский писатель, автор романа «Дата Туташиа», переведенного на десятки языков мира (в 80-е годы по этому роману сняли одноименный многосерийный художественный фильм, с огромным успехом демонстрировавшийся по всесоюзному телевидению).

Чтобы не подвести друзей, она долго отрицала свое знакомство с ними, но ничего не помогло. На закрытом процессе несколько обвиняемых молодых людей были приговорены к расстрелу. Чабуа Амирэджиби как самого юного «пощадили» — приговорили к двадцати пяти годам заключения, а к Норе как к матери маленького ребенка проявили особое «снисхождение» — приговорили к десяти годам лагеря и впоследствии — к десяти годам ссылки.

Норе даже казалось, что судья был благосклонен к ней.

— Грузины любят молоденьких красивых блондинок, — со смешком говорила она мне. — А я тогда была недурна собой. И когда уставала стоять часами во время судебного процесса, он говорил только мне: «Садытес, садытес...» И плотоядно посматривал в мою сторону.

И началась жизнь по этапу — в арестантских вагонах, на баржах по Енисею, в лагерных бараках с «урками», в брезентовых палатках — в любые морозы... Долбила кайлом мерзлую землю в Заполярье, разгружала баржи с углем, погибала в пургу... Потом посчастливилось устроиться работать в медсанчасть...

Но больше она вспоминала не зло, которое ей причинили, а добро — от таких же бедолаг, как она, русских и латышей, евреев и поляков... Они не раз спасали ее от смерти...

Когда отсидела свой срок в лагерях, помер Сталин. В ссылку Нора попросила направить ее туда, где теплее. И где находились ее родители, уже на вольном поселении. Но ее загнали в глухую казахскую степь, в маленький поселок.

Нора попросилась в местную школу преподавать немецкий язык.

— Ишь, чего захотела! Фашистскому языку учить наших детей! Пойдешь пастухом. Овец пасти!..

И Нора стала пасти отары. И этому ей пришлось научиться.

Но отвлечемся на момент от судьбы Норы, чтобы вспомнить, какие политические виражи делало советское руководство, как манипулировало судьбами целого народа — советских немцев. Обвинив их в 1941 году в поголовном предательстве, Президиум Верховного Совета СССР 13 декабря 1955 года своим решением, уже за подписью К.Е. Ворошилова, «смягчает» режим переселенцам и тем, кто был мобилизован на трудовой фронт. Теперь они выводятся из-под неусыпного надзора МВД, но им запрещено возвращаться в места их прежнего проживания, а конфискованное имущество не подлежит возврату. Так что наша Нора все еще не имела права вернуться в Грузию, к сыну (о муже я расскажу ниже).

Прошло еще около десяти лет, и 24 августа 1964 года советское руководство было вынуждено со скрипом признать вину перед немцами — гражданами СССР. В указе Президиума Верховного Совета СССР за подписью Микояна говорилось: «Жизнь показала, что огульные обвинения в отношении советских граждан немецкой национальности в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам были неосновательны, явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина».

Как хорошо, что все можно свалить на мертвого тирана. Но тут же опять ложка дегтя в бочке меда. В указе говорилось, что места прежнего проживания советских немцев уже заселены другими жителями, и, следовательно, нужно помочь немецким переселенцам лучше обосноваться там, где они оказались в 1941-м. То есть, хотя запрет на возвращение и снят, но возвращаться немцам некуда...

Пройдет еще несколько лет, и новым указом Президиума Верховного Совета СССР, уже за подписью Н.В. Подгорного, советская власть наконец милостиво разрешит (через тридцать один год после депортации!) «снять все ограничения в выборе места в отношении немцев и их семей и разрешить пользоваться правом избирать место жительства на всей территории СССР».

Но поезд уже ушел... Когда в годы перестройки будет предпринята попытка воссоздать автономную республику немцев

Поволжья в составе РСФСР, Саратовский обком КПСС быстро организует «протесты» якобы местного населения против этой идеи под лозунгами: «Лучше СПИД, чем немцы», а местный комитет партии «Родина» выступит с таким заявлением: «То, что не удалось Гитлеру в 1941 году, пытаются сделать сейчас с помощью Москвы».

Небольшая справка: на месте нескольких довоенных немецких колхозов-миллионеров теперь пустошь. К годам перестройки в Поволжье было загублено более 600 тысяч гектаров плодородной земли. Так стоит ли удивляться, что, видя такое к себе отношение (и не только в Поволжье), сотни и сотни тысяч советских немцев (как теперь их зовут, «русских немцев») вынуждены были покинуть свою родину и уехать на другую историческую родину — в Германию. И Россия потеряла огромное количество умелых, работающих рук.

Уехала и Нора.

Но вернемся к ее истории. Еще находясь на Севере, будучи каторжанкой, она получила из Тбилиси известие, которое буквально стало выстрелом в ее сердце — муж Юрий, вернувшись из госпиталя, решил не ждать ее возвращения и довольно быстро женился на грузинской девушке, которая вскоре написала Норе оскорбительное письмо.

Конечно, можно найти этому оправдание чисто житейское — ждать Нору надо было долгие-долгие годы, да и вернется ли она живой... А он молод и надо поставить на ноги Бубу, да и после ужасов войны и тяжелого ранения хочется наконец нормальной семейной жизни...

Все так. И все-таки не так... Ведь иные мужья и жены, преодолевая все, ждали годы и годы, чтобы соединиться с любимыми. Но, видимо, это был не тот случай, не та любовь... Словом, поэтическое заклинание поэта Константина Симонова в военные годы «жди меня, и я вернусь, только очень жди» не сработало.

Наконец, уже в середине 50-х, Нора освободилась и переехала в Алма-Ату. Доучилась в тамошнем университете и там же стала преподавать, а еще работать в местной газете и диктором на немецком радио — для немцев, сосланных в Казахстан.

И стала писать стихи для детей, пользовавшиеся большим успехом у маленьких читателей. Она словно писала их для своего Бубы, выросшего вдали от нее. И без нее. Эта рана была еще тяжелее, чем измена мужа, который предал Нору, когда она так нуждалась в поддержке. Этого она не простит ему никогда.

А сын Резо, которого теперь уже неловко было звать Бубой, став юношей, решил поехать пожить у матери, которую, как видно, не мог забыть и тосковал по ней. Возможно, ему жилось несладко с новой семьей отца. И долгожданная встреча наконец состоялась в Ташкенте, куда он прибыл поездом. Какое потрясение испытала Нора, увидев его через столько лет! В первый момент она просто потеряла сознание. Но эта встреча буквально возродила ее...

Прошел месяц с момента нашего заочного знакомства, а мы по несколько раз в неделю продолжали говорить с Норой по телефону. И тут я узнал еще об одной страшной беде, что обрушилась на нее, когда она была уже совсем не молода.

Нора так гордилась своим Ревазом! Ее сын вырос умным, порядочным, интеллигентным человеком. Было очевидным, хотя и с запозданием, влияние матери. Он окончил Тбилисский университет, увлекся немецкой литературой и философией. Видимо, сказала его немецкая «половинка». Реваз стал ученым, доктором филологических наук, одним из самых авторитетных специалистов по творчеству выдающегося немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии Германа Гессе, одного из самых читаемых авторов в Европе, в Америке и даже в Японии.

По творческому наследию Гессе часто проводятся научные конференции. В них принимал участие и сын Норы Реваз Каралашвили. У него была уже семья, росли дети — внуки Норы. В 1988 году Реваза опять пригласили в Германию, на семинар по творчеству Гессе. И именно там, на родине своих далеких предков, он внезапно умер. Немецкие врачи констатировали: секундная смерть, смерть от «крадущегося инфаркта».

«Умерло мое единственное счастье», — говорила мне Нора.

Она прилетела на похороны в Тбилиси. Сын лежал в гробу, как живой. Красавец. Ему было только сорок семь... Она села рядом, ничего не видя, не слыша. Вдруг кто-то положил ей руку на плечо. И долго стоял рядом. Это был Чабуа Амирэджиби, лучше всех понимавший цену этой потери Норы, той, что так стойко держалась когда-то в одной с ним группе «заговорщиков».

И все-таки Нора не сдалась. У нее остался внук, потом появились уже правнучки. Несколько лет она прожила в Москве, работала редактором в издательствах, печаталась в газетах. Но потом поняла: чтобы сбросить с себя груз тяжких воспоминаний, преодолеть тоску по умершему сыну, надо кардинально переменить обстановку. И в 1992 году она навсегда покинула страну, принесшую ей столько горя. В возрасте семидесяти трех лет она уехала в Германию, откуда несколько веков назад переселились в Россию ее далекие-далекие предки.

Я долго не знал, что Нора пишет стихи, что она начала их сочинять в Заполярье, в самые трудные годы... И конечно, не знал, что она известная немецкая поэтесса. Да, она всю жизнь писала их на языке своей семьи... Писала о пережитом. А когда освободилась, уже в Алма-Ате, тоскуя по сыну, как я уже сказал, она стала писать их для детей. Чудные, добрые стихи. Их стали печатать в немецких газетах и журналах, ставших после войны выходить в Казахстане, где проживали сотни тысяч депортированных немцев.

Потом их стали переводить и издавать и в Москве. А когда Нора переехала в Германию, ее чествовали в Берлине немецкие писатели. И стали уже там издавать сборники ее стихов. Прочитать мне что-нибудь по телефону она отказалась: «Я не Белла Ахмадулина. Не умею». Но потом прислала мне свой поэтический сборник. На обложке стояло название — на немецком и на русском: *Zeit der Liebe* — «Время любви».

Признаться, соотношение названия и возраста автора меня несколько смутило, и лишь потом я понял, как широко толковала она это слово — любовь к жизни, любовь к людям, любовь к близким... Даже страдая, люби!

Я наугад раскрыл одну из страничек этой книги и прочел:

Еще я не могу
Забыть свой день вчерашний,
Еще свою тоску
Мне всю измерить страшно,
И горе все со мной,
Им долгий путь отмечен,
Как лист перекидной
В неведомую вечность.

Как все просто, емко сказано ею о своей страшной судьбе!
И я дочитал уже вслух:

Еще я не могу
Поверить равнодушью,
Еще я берегу
Бунтующую душу.
Нирвану я молю:
Как призрак не маячь,
Еще я жизнь люблю,
Еще люблю и плачу.

Ниже стояло: «Кельн, 20.01.1993. Перевод Бориса Дубровина».

Из других стихотворений в ее сборнике мне показалось очень личным вот это:

Гроза, удар
порывистого ветра,
ночной кошмар
на тыщи километров,
Гудит и воет бешеная ночь.
гроза, гроза,
всклокоченные тучи,
слепит глаза
блеск молнии летучей,

и снова взгляду
тьму не превозмочь,
и вдруг — как плеть —
неистовство желанья
к тебе лететь сквозь тьму и расстоянья.
Хоть Маргаритой на метле
к тебе нестись
и силой ведьмы
вырвать у судьбины,
чтобы все горе от тебя отринуть,
и пусть за это
жизнью заплачу!

Это было так чувственно, так эмоционально! Я перечитал всю книгу. На одной страничке был немецкий оригинал стихотворения, на другой — перевод на русский. Как я пожалел, что не знаю немецкий настолько, чтобы еще глубже ощутить силу поэтического дара Норы!

Позвонив ей, я высказал ей свое восхищение.

— Ну вам виднее... — скупой отозвалась она.

Тогда я набрался храбрости и спросил о втором стихотворении:

— Это была любовь?

— Была да сплыла... — так же скупой ответила она. Но после паузы продолжила: — Я была уже немолода. Все произошло так неожиданно, когда я встретила этого человека. В Грузии, куда я изредка приезжала. В Пицунде. Мне показалось, что он тот, кого я ждала всю жизнь. Ради него я переехала в Москву, знаете, последняя любовь бывает такой же сильной, как первая... Но все проходит...

Больше мы на эту тему не говорили.

Лето уже подходило к концу, когда она сказала мне:

— Вот вы уедете, а мы так и не повидаемся... И вы не увидите, как я тут обосновалась... За долгие годы моей бродячей жизни я наконец свила себе здесь уютное гнездышко. И очень его полюбила... У меня две небольшие комнаты с верандой... В одной из них диван специально для гостей. Приезжайте!

Я поблагодарил и извинился, что не могу приехать из-за больных ног. А друзья мои очень заняты.

— Жаль... — грустно сказала она. — Беседа хороша, когда глаза в глаза... Телефонный разговор — это совсем другое...

Потом я тысячу раз пожалел, что не попытался все же организовать эту поездку. Вскоре почтальон привез посылочку из Кельна. В ней было изготовленное рукой Норы грузинское лакомство хачапури и кипа фотографий.

— Хачапури — это вам в память о нашем Тбилиси, — говорилось в ее записке, — и фотографии, чтобы вы все-таки увидели, как я здесь живу.

На цветных снимках была представлена вся ее квартира. Множество книг и фотографий на стене. И даже кожаный диван с пледом, который меня так и не дождался... Поражало целое море цветов повсюду. Самых экзотических. И я вспомнил ее рассказ о том, как даже в лагерном медпункте, в бараке, она умудрялась выращивать, как в теплице, свои любимые цветы.

Я обратил внимание на одну фотографию. Там под большим зеркалом на трюмо стояло много разной косметики. И я подумал: женщина всегда женщина, в любом возрасте. Судя по всему, Нора очень следила за собой, не хотела выглядеть неопрятной. Она была уже старая, но не собиралась становиться старухой. А душой она оставалась молодой...

Все то лето в каждом нашем разговоре она сообщала, что очень ждет внука Отара, что он должен приехать к ней в Кельн. Но все задерживают дела в Тбилиси, где он, специалист по дизайну, преподает в каком-то вузе... Да и летать очень дорого. Не по карману сегодняшней грузинской интеллигенции...

Когда я вернулся в Москву, я всю осень, зиму и начало весны звонил в Кельн. Наши разговоры с Норой обо всем на свете стали какой-то очень дорогой частью моей жизни. Но в начале апреля 2012 года Нора перестала подходить к телефону. Он был отключен. Встревожившись, я стал пытаться через немецких друзей как-то узнать, что с ней... Ничего не получилось. Наконец я достал телефон ее внука в Тбилиси. Позвонил. Подошла его жена и сказала: «Отара нет. Он улетел»

в Кельн. На похороны бабушки...» Это прозвучало так буднично и так для меня больно...

Уже потом я узнал, что врачи внезапно обнаружили у Норы рак горла. От операции она отказалась. Скоро она уже не могла говорить. Но сознание было ясным. Когда к ней в палату пришла знакомая, она взяла ручку и на листе бумаги написала: «Привет всем». Через несколько дней ее не стало.

Как благодарен я судьбе, что на самом излете ее жизни я имел счастье познакомиться с этой удивительной женщиной, подлинной героиней, так достойно и мужественно прошедшей через все испытания, выпавшие на ее долю. Прощай, Нора...